

AB

Книги Анны Берсеневой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

●

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

●

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

●

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черны

●

«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

●

Странная Лиза
Портрет второй жены

●

Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька
Вангелия

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория

Анна Берсенева

двое
в Барселоне

роман

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии П. Петрова

Ранее роман назывался «Полет над разлукой»

Берсенева, Анна.

Б 51 Двое в Барселоне : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-79799-8

О том, что искусство требует жертв, Аля Девятаева знает не понаслышке. Театр, ради которого брошены стильная жизнь и карьера рекламной звезды, остается для нее главным. И никакие жертвы не кажутся Але чрезмерными для того, чтобы сохранить верность своему призванию. Молодая актриса подрабатывает официанткой в ночном клубе. И вдруг оказывается, что Аля должна принести последнюю, самую тяжелую жертву...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79799-8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

*А*ле казалось, что Москва-река на реку совсем не похожа. Река течет через лес, тихие деревья склоняются над нею с отвесных берегов. Или через луг, теряясь в высокой траве. А здесь — часть городского пейзажа, притом довольно грязная и непривлекательная часть.

Она подумала об этом, идя вдоль парапета Бережковской набережной, и тут же усмехнулась над собой.

Где ты луга-реки эти видела? В детстве разве что, на даче. Во сне и то уже не снятся...

Она вообще редко видела сны в последнее время, но не слишком об этом жалела. Впервые в жизни Аля почувствовала в себе тот холодный прагматизм, который раньше вызывал у нее растерянность, если приходилось встречать его в других. Когда спишь — надо спать, отдыхать, а не бередить и без того взбудораженное сознание. И так нелегко выдерживать ежедневное, хотя и любимое, лицедейство...

Поэтому она даже радовалась, что устает теперь так, чтобы спать без снов, проваливаясь в блаженную пустоту. И жалела об одном: что спать удастся мало. К четвертому курсу ненужных лекций в ГИТИСе не

осталось, а пропускать спецпредметы или тем более репетиции было совершенно невозможно, даже если после ночной работы было не до учебы.

Таким образом, усталость была и минусом, и плюсом ее нынешней жизни. А вообще-то Аля еще не знала, как относиться к себе в новом качестве. Не определилась еще, хотя, к собственному удивлению, сразу привыкла к своей новой роли. А чему удивляться? За гитисовские годы она именно и научилась привыкать к новым ролям и к тому, что их надо играть вне зависимости от настроения.

Идти по асфальту, покрытому снежной кашей, было нелегко, и Аля успела пожалеть, что пошла от метро пешком, вместо того чтобы проехать пару остановок на троллейбусе. Наверное, размышляя о реке, решила, что будет дышать свежим воздухом по дороге. Но влажный ноябрьский воздух над тусклой, незамерзшей Москвой-рекой пахнул только бензиновой гарью, и приходилось сомневаться, бывает ли он когда-нибудь свежим.

К тому же темнело рано, набережная была пустынная, и вообще-то небезопасно было идти по ней одинокой девушке. Особенно когда издалека заметно, что фигурка у девушки ничего и лет ей немного.

Впрочем, иногда Аля забывала, сколько ей лет. Когда ей впервые случилось припоминать свой возраст, чтобы ответить на чей-то вопрос, она даже испугалась слегка: что ж такое, все равно мне это, что ли? А потом и правда стало все равно. Ее только удивляло: как это она не заметила тот переход, после которого ей стали безразличны собственные годы?

Аля думала раньше, что такое безразличие насту-

пает только в старости, а вот, оказывается... Впервые она заметила за собою эту странность примерно полгода назад и даже маме о ней рассказала, хотя и не думала, что ее это особенно заинтересует.

— Что ты, Алечка, — улыбнулась Инна Геннадьевна. — Наоборот, чем старше, тем важнее становится для женщины возраст. А в двадцать три-то года и без этого есть о чем помнить.

Улыбка у нее была мимолетная и привычно-рассеянная. Аля только вздохнула, вспомнив ту живость, с которой мама когда-то реагировала на любые ее слова и поступки. Готова была спорить, возмущаться, радоваться — да мало ли что еще! Цитаты воспитательные приводила из классики. И вот всего три года прошло, а ей уже почти безразлично, если не как живет, то уж, во всяком случае, как относится к жизни ее единственная дочь...

Безрадостность — самый безнадежный омут. Глядя на свою еще молодую и вполне привлекательную мать, Аля понимала справедливость этой пошло-назидательной мысли.

С тех пор как ушел отец, Инна Геннадьевна испробовала, кажется, все душевные состояния, которые может испробовать жена, оставленная еще совсем недавно любившим мужем: от уныния до короткого, лихорадочного романа с молодым коллегой-врачом.

То ей становилась безразлична собственная внешность, и она даже седеющие светлые волосы переставала подкрашивать в свой любимый «черничный» цвет. То, наоборот, решала, что все у нее еще впереди, — и тратила чуть ли не всю зарплату на какое-нибудь безумно дорогое платье.

Но безрадостность стояла в ее огромных серых глазах, даже когда она впервые надевала это самое платье. Але казалось, что выпуклые стекла маминых очков делают эту безрадостность еще отчетливее.

Аля часто примеряла на себя чужие судьбы. Наверное, так делают все девушки в двадцать три года, а у нее эта примерка судьбы была связана еще и с особым, актерским чувством.

Но ни одна судьба ей не подходила. И мамина меньше любой другой. Что угодно — трагедия, отчаяние, боль, — только не эта безрадостность! Даже о разрыве с Ильей, первом и единственном крушении любовной иллюзии, ей легче было думать, чем о страшной жизненной тоске, которой дышала обыденность...

Она не хотела обыденности, с самого детства не хотела, она дорого заплатила за то, чтобы ее избежать, и до сих пор боялась ее хватких щупалец! Аля давно уже догадалась, что обыденность таится даже не в однообразной жизни, а только в собственной душе. Стоит ей там поселиться — и все, не спасешься ни в каком житейском празднике, хоть каждый день пляши на дискотеках, или меняй поклонников и наряды, или читай самые интересные книги, или путешествуй от Северного полюса до Южного...

Любое событие надоест тебе еще раньше, чем произойдет, а почему — сам себе не объяснишь. Вот это она и чувствовала теперь в маме и внутренне содрогалась.

Безрадостная пустота поселилась в душе ее матери после того, как неожиданно и необъяснимо — а когда это бывает ожидаемо и объяснимо? — оборвалась

любовь. И поэтому, думая о собственной любви, которой не было, но которая, может быть, все-таки будет когда-нибудь, Аля все отчетливее понимала, что совсем ее не ждет.

Всякая любовь проходит, за ушедшую любовь надо платить слишком дорогой ценой — опустошенной душой, — и этого она не хотела.

Идя по холодной, пустынной набережной, Аля думала об этом холодно и спокойно. И не помнила, сколько ей лет.

Театр, актерство было единственное, что спасало от пустоты наверняка, это она знала всегда, с самого детства, когда ни о какой пустоте вообще не думала. Впервые она почувствовала это интуитивно, а потом оказалось, что интуиция ее не подвела.

В темноте она не сразу заметила, как сначала река подернулась крупной рябью, а потом пошел снег. Через пять минут тяжелые мокрые хлопья облепили голову, и волосы повисли сосульками. Шапку Аля никогда не носила, да и ноябрь в этом году был какой-то хлипкий, бесснежный и унылый, как эта серая набережная. Ей стало противно и тоскливо, и она прибавила шагу.

Ночной клуб «Терра инкогнита» был расположен не очень удобно: далеко от метро. Впрочем, неудобство ощущали разве что официантки. Основные посетители в метро все равно не ездили, даже когда, собираясь как следует оттянуться, приезжали «без руля».

Впервые услышав название клуба, в котором ей предстояло работать, Аля не сдержала улыбки.

— Ты чего? — удивилась однокурсница Лина Тарас, сосватавшая ее на эту работу. — Приличное название, по-моему, ничего смешного.

— Да нет, я не потому, — объяснила Аля. — Конечно, приличное. Но, думаешь, хотя бы половина клиентов понимает, что это такое?

— А зачем им понимать? — пожала плечами Линка. — Абы деньги платили.

Аля знала, что говорила, когда сомневалась в подкованности клиентов «Терры» в латыни. Год прожив с Ильей, она не понаслышке знала лучшие московские ночные клубы и рестораны. И хотя за три года открылось множество новых, но суть не изменилась. Поэтому она и понимала: трудно ожидать, что у нового, никому не известного заведения вдруг появятся клиенты из элиты бизнеса или богемы. Ну, будут ходить не слишком крутые бандиты, студенты да мелкие бизнесмены, не обремененные образованием и готовые заниматься без разбору всем, что приносит деньги. На таких людей и предстояло работать.

Это было неприятно, но Алю не смущало и не пугало. Ее вообще почему-то ничего не испугало за время, прошедшее после расставания с Ильей. Жизнь менялась почти ежедневно, и поэтому три года казались ей бесконечно долгими. Хотя ведь в юности время вообще течет медленно...

Она не могла точно определить ни причины своего странного бесстрашия, ни даже того, радоваться ему или печалиться. Это было что-то смутное, так же неясно тревожащее, как забытье собственного возраста, как привычка к душевному холоду. И такое же

тоскливое, как ноябрьский мокрый снег на пустынной набережной.

Аля не опоздала, но пришла последней. Барменша Ксения, конечно, была уже на месте и бросила на нее такой пронзительно-осуждающий взгляд, который лучше было не замечать, чтобы не испортить себе настроение на весь вечер. И Рита, напарница, уже протирала столы на своей половине пустого зала.

— Ритуля, протри мои, а? — попросила Аля. — Промокла, голову надо подсушить, а то рассоплилось до завтра.

— Сбегай, — кивнула Рита. — Все равно мыдлоны не скоро соберутся.

Мыдлонами называли клиентов, и в этом названии было точно отражено то бесконечное презрение, которое питали к этой категории людей все без исключения работники ночного клуба.

Фен Аля попросила у посудомойки Кати. Кате было восемнадцать лет, она стояла на низшей ступени клубной социальной лестницы, но выглядела всегда так, как будто ей вот-вот предстоит бросить грязную посуду, вытереть руки и сесть за столик в зале рядом с самым роскошным мыдлоном. Такой поворот судьбы был маловероятен, еще невероятнее было бы ожидать, что кто-нибудь, перепутав кухню с туалетом, забредет на Катин огонек и оценит красоту посудомойки.

И тем не менее именно у Кати, а не у шикарной барменши Ксении всегда имелся в сумке полный набор парфюмерии и косметики, зубная щетка последней модели, кружевные трусики, чулки и прочие интимные мелочи и даже маленький фен с «пальчика-

ми», которые, согласно рекламе, делают прическу пышной.

Правда, подпышнить прическу феном Але было ни к чему: ее светлые волосы, казавшиеся воздушными, на самом деле были жесткими, как проволока, и поблескивали в вечернем свете. Из них можно было соорудить любую прическу за пять минут, и любая смотрелась эффектно. Подсушивая волосы, Аля украдкой разглядывала молоденькую посудомойку, занятую подсчетом чистых бокалов на подносе.

Макияж у Кати был в точности как у знаменитой телеведущей, так что даже простенькие черты ее юного лица казались довольно выразительными под надежным слоем косметики.

Аля только удивлялась про себя Катиной вере в чудо, которой позавидовала бы любая Золушка.

Когда она вернулась в зал, Ритка уже курила, сидя за одним из только что протертых столов.

— Зря ты шапку не носишь, — сказала она, глядя, как поднимается к потолку тонкая струйка дыма. — Попадешь под кислотный дождь, волосы испортишь. Жалко, хорошие.

— Я зонтик всегда с собой ношу, — ответила Аля, садясь рядом за столик.

— Но сегодня же забыла.

— Сегодня забыла.

— Дубленка у тебя хорошая, — завистливо заметила Рита. — На обе стороны можно носить, удобно, если дождь. Давно купила?

— Давно. Тогда в Луже еще недорогие были, — успокоила ее Аля.

Зачем будить в человеке зависть? Двустороннюю,

до невесомости легкую испанскую дубленку цвета кофе с молоком Аля купила не в Лужниках, а в бутике на свой первый и единственный клиповый гонорар, и стоила она примерно столько, сколько Ритка зарабатывает за полгода.

Они перебрасывались скучными фразами, забывая их прежде, чем произносили до конца. Аля видела, что у Ритки не то чтобы плохое настроение — просто нет никакого. Она не спрашивала, почему: надо будет, сама скажет.

Ритка действительно сказала, гася окуроч в фирменной пепельнице:

— День рожденья тут вчера праздновала. А сегодня опять работать. Что-то беспросветное.

— Зачем же ты здесь праздновала? — спросила Аля. — Не надоело разве?

— Не знаю, — пожала плечами Рита. — А где еще? Тут хоть все свои...

Это было то, что больше всего удивило Алю, как только она немного огляделась в «Терре». Все работники клуба непременно посещали его в свободное время: праздновали дни рожденья, приглашали подруг и кавалеров.

Аля работала всего третий месяц, но уже не могла представить: какое такое удовольствие можно испытать, придя в свободное время в зал, в котором несколько часов назад бегал между столиками, обслуживая клиентов?

Но приходили, отдыхали, радовались... Ладно еще Ритка, мать-одиночка, сокращенная в каком-то НИИ на первом месяце беременности, — женщина без особенных интересов, круг общения которой со-

стоял из тех же официанток да из бывших сослуживцев. Самое удивительное заключалось в том, что таким же образом расслаблялись в «Терре» и девочки-студентки, подрабатывающие здесь несколько ночей в неделю, и выпускница консерватории Марина, имевшая ставку в филармоническом оркестре, где зарплату, правда, почти не платили и концерты бывали раз в сто лет, но все-таки...

— Тут хоть знаешь, что не обсчитают, — словно оправдываясь, объяснила Рита. — И закажешь все самое лучшее, не по второму разу тебе принесут.

— Да мне-то что? — пожала плечами Аля. — Каждый ходит, куда нравится, и слава богу.

— Но ты-то же не ходишь, — заметила Рита.

Аля не только не ходила в «свой» клуб в свободное время, но и думать боялась о том, что может наступить день, когда ее потянет вечером в «Терру». Это была работа, за которую платили деньги, притом можно было поработать подольше и заработать побольше. И заработанные таким образом деньги нужны были не для того, чтобы сидеть ночами в кабаке, а чтобы жить так, как требовала душа. Чтобы выходить на сцену и не понимать, что с тобою происходит, а потом вдруг понять, а потом...

Все это трудно было объяснить Рите, да и незачем было объяснять.

— Вчера такой убой был! — вдруг оживилась та. — Нет, серьезно, Алька, жалко, что тебя не было! Представляешь, пришли два братка — ну натуральные, конкретные такие, цепи по два кило, гайки золотые и все такое. И двух проституток с собой привели.

— С чего это вдруг? — удивилась Аля.

Проституток в ночные клубы водить было не принято, с ними просто расплачивались по таксе, без дополнительных развлечений.

— Да черт их разберет. А одна девка, представляешь, негритянка. Так мало того — ты б видела, что на ней надето было! Черный такой кружевной комбидрез и шортики коротенькие, прям трусы — и все, представляешь? — радостно засмеялась Ритка. — И, похоже, специально ради нее пришли, по личной просьбе. Братки взяли по чаю с лимоном, сидят мрачные такие, ждут. Группа наяривает вовсю, а она себе пляшет, представляешь? Такие фортеля выделывала, все наши сбежались посмотреть, не говоря про мыдлонов.

Судя по всему, это было самое сильное Риткино впечатление от вчерашнего праздника. И было бы просто свинством не расспросить подробности, разыгрывая интерес. «Неужели прямо в комбидрезе, а ты не путаешь, может, просто блузка такая? Да ну, что я, комбидрез не отличу! А вторая не негритянка? И что она в это время? Да ты что!»

И так далее.

Потом Ритка рассказала про компанию, которая сидела вчера всю ночь. Один башлял на девятерых, заказывал сплошь текилу, выкинул штуку баксов, а после всего потребовал расписать счет и дать всю сдачу.

— И ни рубля чаевых! — возмущалась Рита. — Наташка говорит, прямо убила б его, сволочь такую! Целую ночь вокруг них и так и этак, пепельницы вытряхивала чуть не каждые пять минут. А он, гад, — сдачу...